

УДК 008
ББК 71.0

Л.А. Дыркова

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО МЕССИАНСТВА В ЗАРУБЕЖНОЙ СЛАВИСТИКЕ (ПИТЕР ДУНКАН)

В статье исследуется концепция русского мессианства в интерпретации Питера Дункана – представителя школы славянских и восточноевропейских исследований (Великобритания). Он является автором вышедшей в 2002 г. уникальной монографии «Русский мессианизм: Третий Рим, революция, коммунизм и далее», охватывающей весь период развития русского мессианства от концепции Филофея «Москва – Третий Рим» до мессианских идей постсоветской России. Его дефиниции феномена «русский мессианизм», классификация мессианских представлений в диапазоне государственно-ориентированный мессианизм / народно-ориентированный мессианизм представляют интерес в контексте современных самоидентификационных поисков российского общества.

Ключевые слова: русский мессианизм, славянистика, русская идея.

L.A. Dykova

CONCEPT OF RUSSIAN MESSIANISM IN FOREIGN SLAVONIC STUDIES (PETER DUNKAN)

The article is devoted to research of the concept of Russian messianism in interpretation by Peter Duncan – a representative of the School of Slavonic and East European Studies at University College London (Great Britain). He is the monographer of unique scientific study «Russian messianism: Third Rome, revolution, Communism and after», and covering whole period of the development of Russian messianism from Filofey's doctrine «Moscow – Third Rome» to messianic ideas in post soviet Russia. His definitions of the phenomenon «Russian messianism», classification of messianic ideas within the range of the state-oriented messianism / the people-oriented messianism are interesting in context of self-identification searches; modern Russian society's.

Key words: Russian messianism, Slavonic studies, Russian idea.

Одним из ведущих центров зарубежной славистики является школа славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете (School of Slavonic and East European Studies at University College London), созданная в 1915 году. Исследования по истории, культуре, праву, филологии, лингвистике славянских народов, а также подготовка специалистов по славянским языкам и истории – вот основные направления ее деятельности. Изучение проблем, связанных с историей и культурой России и актуализировавшихся в связи с революционными событиями и политическими результатами Второй мировой войны, а также с трансформациями 80-90-х годов XX в., сосредоточено в русском отделе. «Русская» тематика нашла свое отражение в работах специалистов школы, таких как Джеффри Хоскинг (Geoffrey Hosking), Эндрю Вильсон (Andrew Wilson), Джордж Шопфлин (George Schöpflin), Памела Дэвидсон (Pamela Davidson), Питер Дункан (Peter Duncan).

Исследования Питера Дункана, посвященные русскому мессианству, представляют особый интерес в контексте идентификационных поисков в современной России. Он и в ранних своих работах обращался к различным аспектам этого феномена, рассматривал русский национализм, национальную политику КПСС, неформальные политиче-

ские движения. Целью настоящей статьи является исследование концепции русского мессианства П. Дункана в монографии «Русский мессианизм: Третий Рим, революция, коммунизм и далее». В известном смысле эта работа является итоговой, т.к. исследователь предпринял попытку проанализировать весь комплекс русского мессианства и, как определил цель сам автор, дать детальное описание и объяснение этого феномена в политическом и историческом контекстах [1, 3].

Следует заметить, что в отличие от других исследователей, например Ханса Кона (Hans Kohn), рассматривавшего мессианство в контексте преимущественно религиозных верований, П. Дункан подчеркивает, что оно тесно связано с миллениаризмом и хилиазмом, но не идентично им. Термин «мессианизм» понимается в широком смысле, а именно как явление, охватывающее не только религиозные верования, но и светские учения, где в роли Спасителя или Мессии может выступать или отдельная нация, класс, партия, или индивидуальная личность [1, 8]. Данные дефиниции смыкаются с определением В. Соловьева, трактовавшего мессианство как совокупность убеждений об особом преимуществе данного народа, претендующего на роль избранного носителя и свершителя исторических судеб человечества, которые возникающих вне богословской сферы, хотя и в связи с

религиозными представлениями, у всех народов в период роста национального самосознания [2, 150]. П. Дункан так же полагает, что мессианские мечты не являются «русским» эксклюзивом. Образ «распятой Сербии», уходящий корнями в трагедию на Косовском поле в 1389 г., представления поляков о Польше в облике Христа, которая возродится, обретет свободу и просветит человечество, – тому примеры. И в монографии, и позднее, например, в интервью информационному агентству Washington ProFile 11 апреля 2008 г. [3], исследователь подчеркивает, что, несмотря на некоторую размытость и гипотетичность термина «русский мессианизм», он вполне реален и поддается определению [1, 1]. Используя классификацию Джорджа Шопфлина, П. Дункан определяет русское мессианство как «национальный миф», в равной степени миф о спасении и миф об избранности [1, 3].

По мнению исследователя, русское мессианство – это устойчивый феномен, проявляющийся в многообразных формах и выражаемый различными общественными силами в разные периоды российской истории [1, 1]. Концепт избранности русского народа сохранялся как тенденция общественной мысли в той или иной форме начиная с XVI столетия. Однако корни его уходят в более ранние времена и связаны с принятием православия. П. Дункан, как и ряд отечественных исследователей, таких как М. Громов, М. Маслин, полагает, что выражение мессианских идей содержится уже в «Слове о Законе и Благодати» Митрополита Киевского Иллариона (XI в.). Русские мессианские идеи и настроения имеют широкий диапазон – это доктрина «Москва-Третий Рим», славянофильство и западничество, идеи о «народе-богоносце» Ф. Достоевского, почвенничество и панславизм, III Интернационал и сталинский «социализм в отдельно взятой стране», идеи писателей-деревенщиков и различные диссидентские течения. Они оказывали влияние на экономику, политику, нравственность, литературу, музыку, живопись и кинематограф.

Витальность русского мессианства, его силу П. Дункан объясняет православием и геополитическим положением государства, расположенного как в Европе, так и в Азии, тем, что русский народ постоянно подвергался опасности и нападениям. По мнению английского исследователя, проявления русского мессианства часто связаны с кризисными моментами российской истории. Например, появление славянофильства как следствия кризиса крепостничества в России, сталинизма с мессианским лозунгом «построение социализма в одной стране» как реакции на капиталистическое окружение молодого государства. Особый всплеск проявления мессианских взглядов произошел в период Великой Отечественной войны, когда представление о России как защитнице Европы от

татаро-монгольских орд, Наполеона, а теперь и от нацистов являлось доминирующим чувством.

Анализируя русскую общественно-политическую и философскую мысль, исследуя мессианские теории и концепции, содержащие мессианскую компоненту, П. Дункан приходит к выводу, что в России могут быть идентифицированы две тенденции мессианской мысли и, что необходимо различать два полюса русского мессианства. На одном придается первостепенное значение государству и власти, на другом доминируют такие понятия, как православный русский народ и русская земля. Соответственно он выделяет государственно-ориентированный мессианизм (the state-oriented messianism), связанный с идеей господства Москвы над другими народами и определяет его как националистический (the nationalist messianism). Мессианство, связанное с концептом русского народа как моделью, которой должны следовать другие, автор интерпретирует как народно-ориентированный мессианизм (the people-oriented messianism), определяя его универсальным или всеобщим (the universal messianism) [1, 3]. Примером государственно-ориентированного мессианства, по мнению исследователя, может служить доктрина «Москва – Третий Рим», панславизм, большевистский и сталинский мессианизм. Народно-ориентированное мессианство с идеями уникальности православного русского народа и русской земли присутствует в концепции Святой Руси, в представлениях о русских как «народе-богоносце» Ф. Достоевского, во взглядах народников. И если националистическое мессианство, проявляющееся как идея превосходства над другими народами, было связано с государством и шовинизмом, то представление универсального мессианства как идеи служения и спасения было связано с народом и землей.

Исследуя мессианские настроения русского общества второй половины XIX – начала XX вв., П. Дункан отмечает, что концепты об особом пути России, ее предназначении в мире были постоянными темами в творчестве выдающихся русских философов, поэтов, писателей. Ф. Достоевский, К. Леонтьев, Н. Федоров, В. Соловьев, плеяда замечательных мыслителей русского религиозного Ренессанса – вот далеко не полный перечень тех, кто так или иначе обращался к этим проблемам. – Такие аспекты национальной мессианской судьбы, как понимание духовной и исторической миссии России, ее мессианской задачи в мире поднимались во многих литературных произведениях. Выводы П. Дункана о роли русской литературы в развитии мессианской мысли разделяет другой представитель лондонской школы славянских и восточноевропейских исследований Памела Дэвидсон, полагая, что профетический статус русских писателей связан с поддержкой русской идеи в той или иной форме, с мессианским подтекстом их понимания миссии России [4, 509].

Она отмечает, что тенденция укрепления представлений о пророческой миссии русского писателя по мере возрастания мессианских интерпретаций судьбы России продолжала мощное влияние на литературную традицию и в XX веке [4, 510, 518].

Активно проникавший в русское общество XIX века марксизм с его идеей пролетариата как нового Мессии – «могильщика» капитализма и освободителя человечества – сам является мессианской идеологией. П. Дункан не высказывает явно мысли о том, что русская «почва» была готова и прекрасно «удобрена» для укоренения нового мессианства в общественном сознании, но этот вывод следует из всего контекста. Эксплицитность влияния русского мессианства на русскую версию марксизма – большевизм – не вызывает никакого сомнения. Оно [мессианство] проявляется в уверенности, что Россия, где пролетариат первым разрушит капитализм и империализм, послужит образцом для трудящихся других стран.

Октябрьскую революцию и последующую политику большевиков исследователь интерпретирует в терминах мессианства. Вслед за Н. Бердяевым, высказавшим мысль о русификации марксизма русским мессианством, П. Дункан констатирует, что на роль Мессии партия большевиков выдвинула пролетариат – класс, который при капитализме наиболее ущемлен. Он страдает и потому искупит, спасет все человечество, построит коммунистическое общество – Царство Божие на земле [1, 55]. После смерти Ленина и в условиях изолированности России интернационализм и универсальное мессианство сменились сталинской теорией о построении социализма в одной стране. Это, по мысли исследователя, привело к тому, что акценты сместились в направлении национального мессианства. 1934 г., когда партийные лидеры открыто начали выражать и поощрять национальные чувства, П. Дункан считает переломным. Это подтверждают появившиеся в прессе статьи о важности патриотизма, введение обязательного преподавания истории России в национальных школах, некоторое послабление в отношении Русской Православной церкви и, наконец, новый государственный гимн со словами о Великой Руси, заменивший партийный гимн «Интернационал». Кульминационный момент этого процесса исследователь видит в здравнице в честь великого русского народа, которую произнес Сталин на приеме, посвященном победе над нацизмом. Автор справедливо отмечает, что понесенные в Великой Отечественной войне жертвы вызвали всплеск мессианских чувств среди народа. Россия вновь была спасительницей и служила всему миру. Этим эффективно воспользовалась официальная пропаганда, которая активно разрабатывала и использовала темы спасения Европы от нацизма, военной помощи человечеству и в последующие годы, особенно при Н. Хрущеве и Л. Брежневе.

Желание защитить русский народ, его интересы и традиции явилось, по определению Питера Дункана, основным толчком к росту русского национализма в 60-80-е годы XX в. Он интерпретирует развитие русского национального движения и возрождение русского мессианства как русский культурный национализм (cultural Russian nationalism) в истории, литературе, искусстве и как неофициальный или диссидентский русский мессианизм (dissident Russian nationalism). Первое направление, как показывает исследователь, было связано с произведениями В. Распутина, В. Белова, В. Солоухина, с литературой так называемых писателей-деревенщиков, с живописными полотнами И. Глазунова, защитой, возрождением и реставрацией исторических и культурных памятников. Второе направление обусловлено иначе мыслями в Русской Православной церкви, Всероссийским социально-христианским союзом за освобождение народа (ВСХСОН), «Группой Фетисова», самиздатовской литературой (например «Вече»). Идеологическая запутанность и сложность этого периода развития русского мессианства, по мнению автора, эксплицитно проявились в позиции А. Солженицына и его творчестве. От мысли о том, что Сталин искажил идеи Ленина, он пришел к убеждению о необходимости нравственной революции в России. Только наведя порядок в собственном доме, можно будет помогать бедным и отсталым народам. В своих рассказах, романах и публицистике писатель говорит о благородстве русского народа, его православных традициях, необходимости духовного возрождения, страшном наследии большевизма и тоталитаризма, праве народов на самоопределение вплоть до выхода из федерации и т.д.

П. Дункан справедливо предостерегает от ложных представлений, что в Советском Союзе русский мессианизм давал какие-то особые выгоды России и русской нации как нации титульной. Автор замечает, что огромное число именно русских погибло в сталинских лагерях. Справедливо и другое утверждение, что Россия жертвовала собственным развитием ради преодоления отсталости советской периферии, в ущерб собственному благосостоянию она помогала социалистическим государствам, материально и финансово снабжала режимы стран третьего мира [1, 147].

Русское мессианство исследовано П. Дунканом в терминах национализма. Объяснение согласно его концепции кроется в том, что из двух свойств человека конструкций «класс» и «нация», в XIX и XX вв. последней отдавалось большее предпочтение (the loyalty). Следовательно, режимы, основанные на классовом мессианстве, имеют тенденцию сдвигаться по направлению к национальному мессианству [1, 61]. Подобная методология характерна для западных исследований истории России XIX в. и особенно прошлого столетия, например, для работ Джеймса Скэнлана

(James Scanlan), Тима МакДаниэла (Tim McDaniel), а также Дмитрия Пospelовского и Александра Янова. Но П. Дункан попытался преодолеть пессимизм оценок в идентификации русского мессианства как феномена и составляющей исторического процесса в России. Он справедливо указывает на то, что в русском мессианстве сильнее выражена его оборонительная сторона (а defensiveness), нежели агрессивная экспансия. Московское государство расширялось, чтобы защитить себя от нападения. Во времена холодной войны Восточная Европа была буферной зоной, а не трамплином для атаки (1, 147-148).

Таким образом, исследуя феномен русского мессианства, П. Дункан показал, что концепт избранности русского народа в той или иной форме сохранялся на протяжении всей истории государства. Мессианские идеи передавались от поколения к поколению множеством способов: через литературу, православную церковь и староверов, различные революционные организации, а в марксистском варианте – через пропагандистский аппарат КПСС. Мессианские настроения и идеи имеют в российском социуме широкий диапазон: носителями их могут выступать разные социальные слои общества от крестьянства до интеллигенции, от пролетариата до партийных функционеров. Сам автор считает, что определить русское мессианство также нелегко, как и определить русский народ [1, 14]. Мессианство шло изнутри по традиции, поэтому любые методы его искоренения со стороны официальной власти (например, цензура, ограничение свободы слова, искоренение инакомыслия) не увенчались успехом. Напротив, в отдельные исторические периоды само государство фактически проводило мессианскую политику, иногда оборачивающуюся губительными результатами – в случае с коммунизмом она привела к массовым людским жертвам. В то же время отказ от коммунистических идей обернулся таким социально-экономическим провалом, от которого страна до сих пор не оправилась.

В кризисные периоды российской истории те или иные идеи русского мессианства выходят на передний план. Русское мессианство продолжает существовать и в постсоветской России. Рассуждая в последнее время о феномене русского мессианства, П. Дункан отмечает, что вновь популярны идеи об особом пути развития. В идеологии КПрФ мессианские идеи связаны с социализмом. Разочарование в политике западных стран, (прежде всего США), которые идут по пути расширения НАТО, строят систему противоракетной обороны в Польше и Чехии и новые военные базы вблизи российских границ, привело, по мысли исследователя, к возрождению в российском обществе стереотипов «холодной войны» и к проявлению другого вида мессианства, где Россия заявлена в качестве лидера стран, выступающих против американского империализма [3].

Тем не менее, в отличие от многих западных философов, политиков, экономистов, политологов П. Дункан убежден, что Россия не должна рабски копировать западные модели и методы реформирования. Это звучит контрастно, например, письму к русским читателям К. Поппера, где он предлагает заимствовать одну из правовых систем Запада – германскую или французскую – как кратчайший путь в нормальное цивилизованное общество [4, 9-10]. Более того, по мнению П. Дункана, вестернизация, навязанная России Гайдаром и Международным валютным Фондом в 1992 г. силой, была социально-экономическим бедствием, т.к. не принимала во внимание российскую действительность [1, 148] и, можно добавить, русский менталитет. Отмечая существование в современном российском обществе опасений расширения НАТО и сторонников националистических идей, автор подчеркивает, что российская элита и большинство населения выступают за сотрудничество с Западом и Европой. Но также они хотят, чтобы и западные страны, и международные организации воспринимали Россию как полноправного члена мирового сообщества. Он подчеркивает, что Западу следует уважать Россию, поддерживая процесс ее демократизации и реформирования.

Прогнозируя будущее русского мессианства на ближайшие 15-20 лет, П. Дункан полагает, что оно как один из элементов противостояния однополярному миру, а также антитеррористической политике, будет присутствовать в российской внешнеполитической деятельности.

Литература

1. Duncan Peter J.S. Russian messianism: Third Rome, revolution, Communism and after. - L.; N.Y.: Routledge, 2002. - 255 p.
2. Соловьев В.С. Мессианиззм // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.Э. Ефрон. - СПб.: Типо-Литография, 1896. - Т. 19. - С. 150.
3. Мессианство России. Интервью с Питером Дунканом [Электронный ресурс]. - Режим доступа: // gtmarket.ru/laboratory/public.doc.
4. Davidson P. The Validation of the Writer's Prophetic Status in Russian Literary Tradition: From Pushkin and Ljazykov through Gogol to Dostoevsky // The Russian Review. An American quarterly devoted to Russian past and present. Vol. 62. - No. 4 (October, 2003). - P. 508-536.
5. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.1. Чары Платона. - М.: Феникс; международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 448 с.

Literature

1. Duncan Peter J.S. Russian messianism: Third Rome, revolution, Communism and after. - L.; N.Y.: Routledge, 2002. - 255 p.
2. Soloviev V.S. Messianism // Encyclopedian dictionary / F.A. Brokaus, I.E. Efron. - SPb., 1896. - T. 19. - P.150.
3. Messianism of Russia. Interview with Peter Duncan [Electronic resource]-Access mode: // gtmarket.ru/laboratory/public.doc.
4. Davidson P. The Validation of the Writer's Prophetic Status in Russian Literary Tradition: From Pushkin and Ljazykov through Gogol to Dostoevsky // The Russian Review. An American quarterly devoted to Russian past and present. Vol. 62. - No. 4 (October, 2003). - P. 508-536.
5. Popper K.R. Open society and its enemies. Vol. I. Charm of Platon. -M.: Feniks; international fund «Kultumaya initsiativa», 1992. - 448 c.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ ОБЩЕСТВЕННОЙ АВТОТРОФНОСТИ И ГЕТЕРОТРОФНОСТИ В СВЕТЕ ИДЕЙ В.И. ВЕРНАДСКОГО

В статье на основе идей В.И. Вернадского дана экспликация социально-философского смысла понятий «общественная автотрофность» и «общественная гетеротрофность». Показаны ограничения и следствия при их индивидуально-организменном и субъектно-общественном понимании.

Ключевые слова: социальная философия, общественная автотрофность, общественная гетеротрофность.

A.S. Skachkov

SOCIALLY-PHILOSOPHICAL SENSE OF PUBLIC AUTOTROPHY AND HETEROTROPHY IN THE LIGHT OF V.I. VERNADSKY'S IDEAS

Social-philosophical analysis of such concepts as public autotrophy and public heterotrophy based on point of view of Vernadsky is given in the article. Sense limits and consequences at their individual and subjective understanding are shown.

Key words: Social philosophy, public autotrophy, public heterotrophy.

Понимание сути предикативации автотрофности признака «быть общественным явлением» нельзя назвать беспроблемным. Ведь автотрофность – это вид трофической зависимости какого-либо организма, когда он, не питаясь другими неделимыми жизни, в пределе может существовать только за счет косного вещества и рассеянной энергии. Это фиксация организмических особенностей неделимых, не могущая содержать прямой информации о социетальных качествах каких-либо существ, но способная нести «недостаточное различие чисто социальных факторов от других: биологических и физико-химических» (чего надлежит избегать) [1, 523]. Однако созданные В.И. Вернадским человекомерные понятия «социальная гетеротрофность» и «социальная автотрофность» [2, 482] стали достоянием социально-философской мысли. Различаются ли коренным образом значения конструкторов автотрофность и гетеротрофность при их применении в контексте биологических, биогеохимических и собственно социально-философских размышлений? Разве не несут в себе эти применения в принципе несводимые друг к другу без остатка смыслы?

Ответы на заданные вопросы не содержатся прямо в трудах В.И. Вернадского, не претендовавшего на философский анализ вводимых понятий. И это неизбежно в силу четко осознававшегося им правила разделения труда философов и естествоиспытателей [3, 102, 104, 154].

Вводя названные понятия, В.И. Вернадский опирался на некоторые размышления мыслителей XIX в., прежде всего – естествоиспытателей (М. Бертелло, Д.И. Менделеева, В. Оствальда, К.А. Тимирязева, Н.А. Умова) или непрофессиональных философов (С.А. Подолинского, Н.Ф. Федорова). При этом Владимир Иванович, вероятно, не знал, что схожие размышления вел в духе «мировоззренческой фантастики» начиная с первых публикаций в конце XIX в. К.Э. Циолков-

ский. Особо в этом ряду можно выделить собственно философа Э.Ж. Ренана, писавшего в работе 1876 г. («Философские диалоги и фрагменты») о возможности в будущем промышленного синтеза пищевых продуктов «из воздуха» как революции в социальной жизни, прогрессе в развитии чувств. Именно в силу «необходимости для решения социального вопроса» [2, 480]. В.И. Вернадский и ставил задачу достижения человечеством «социальной автотрофности». При этом (что существенно и чего не следует забывать) он отдавал себе отчет в том, что использованное им понимание «социальной автотрофности» не давало ответа опять же на «социальный вопрос»: «Будет ли (социальная автотрофность. – А.С.) благотворна или доставит новые страдания человечеству?» [2, 483]. В таком понимании «социальная автотрофность» есть концепт, который не может ясно фиксировать грань между теми взаимосвязями и взаимообусловленностями людей, обществ между собой, а также людей и обществ с природой, которые есть линия их «благотворного» соразвития в отличие от прогивоположного тренда. Вместе с тем именно данный концепт и фиксирует эту грань, хотя бы и неявно. Прояснение требует философской работы т.е., по сути, ответы и их отсутствие делают возможным сведение проблематики «человек (человечество) и автотрофность» к «опасной иллюзии» (Н.Н. Моисеев) или к «последнему слову философии техники» с отождествлением «кибернетических устройств» и «автотрофов среди нас» (В.А. Кутырев). Все это свидетельствует о том, что найти ответы необходимо, причем такие, которые способны «более определенно связать гуманистически направленные мысли о неразрывной связи человека и универсума с современными научными представлениями о перспективах человека» [4, 249]. Только тогда можно адекватно уяснить, как и почему «биосфера (“монолит” природы и цивилизации) оказалась объединенной...